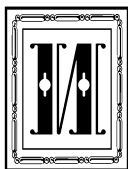

ПРЕДИСЛОВИЕ

Роковая книга Средневековья

известный богослов II века Ириней, автор влиятельного сочинения «Пять книг против ересей», был, по-видимому, первым христианским писателем, пытавшимся установить правовое отношение между богом и Христом с одной стороны и дьяволом — с другой.

По учению Иридея, дьявол получил право власти над человеком в тот момент, когда человек под влиянием обольщения и искушения нарушил божеские предписания и совершил грех. Разумеется, обольщение и вовлечение человека в грех являются преступлением дьявола, насильственно вмешавшегося в сотворенную богом область, но раз человек добровольно дал себя обольстить и отошел от бога, дьявол получил *полное право господства над человеком*. Бог мог бы лишить дьявола плодов его преступного вмешательства, но по своей неизреченной справедливости он этого не делал и предоставил дьяволу право на уже раз обольстившегося человека. Это право должно было быть отнято у дьявола человеком, который таким же добровольным путем освободил бы себя от обольстительной силы дьявола и тем лишил бы последнего права господства над человеком. Так было бы восстановлено первоначальное правовое отношение между тварью и ее творцом, и дьявол был бы побежден и более не обладал бы властью над человеком.

Но добровольное освобождение из-под власти дьявола превосходит-де силы человека, и вступился Спаситель, который должен был быть человеком, так как добровольное освобождение человека должно было идти по пути права, законного возвращения человека из-под власти дьявола в лоно божества. Но Спаситель должен был быть больше, чем человек, так как дело шло о том, что превосходит человеческие силы. Дьявол мог быть побежден лишь совершенным, абсолютным повинованием Иисуса: из-за греха одного человека все люди стали греховны, а в силу совершенного повинования одного все люди очистились от греха. Смертью Спасителя люди освободились от власти дьявола и последний был пленен. Но дьявол совершил ошибку: он принял Христа, который был безгрешен, за греховного человека, и впадение в эту ошибку привело дьявола к поражению. Так как дьявол первоначально не имел права на человека, то Иисус, собственно, вернул творцу то, что ему принадлежало с самого начала.

Правовая теория Иринейя (ум. в 202 г.) нашла энергичного и неутомимого защитника в лице Оригена (ум. в 254 г.), доказывавшего, что дьявол был обманут Спасителем. Получив в силу греха власть над человеком, дьявол мог вернуть ее лишь взамен какого-либо возмездия, эквивалента; таковым была кровь Спасителя. Так смерть Спасителя стала средством уничтожить силу дьявола: человечность во Христе была приманкой, на которую оказался так падок дьявол, и он, подобно крысе, попал в мышеловку. Не заметив божественной силы Христа, скрывавшейся под человеческой оболочкой, дьявол проглотил вместе с мясом и ангельскую божественность, и богослов Григорий Назианзин (ум. в 390 г.) радуется, что дьявол остался в дураках. Стремясь за мнимо смертным, дьявол, по словам папы Григория Великого (см. его объяснения в книге Иова, так назыв. *Moralia*), потерял тех смертных, которые были в его власти: «так гонишься за тенью и теряешь наличие». Ту же мысль подробно развивал в сочинении «Точное изложение православной веры» крупнейший представитель греческой церкви VIII века Иоанн Дамаскин. По его словам, дьявол был

побежден потому, что вынужден был изрыгнуть раз проглоченное, когда он почуял запах непогрешимого животворящего тела. И вплоть до Петра Ломбардского (ум. в 1164 г.), изображающего искупителя на кресте в виде мышеловки, церковные проповедники и писатели варьируют на разные лады основную мысль Иринейя о потере дьяволом дальнейшего господства над людьми и об искуплении, как об освобождении человека из-под власти дьявола.

Какие глубокие корни пустила эта теория об обманутом Христом дьяволе, можно видеть, например, из того, что даже в XV веке в Германии вышла книга из кругов, близких Маркионитским общинам, являвшаяся как бы правовым диспутом между Христом и дьяволом на тему о праве власти того и другого над людьми. Книга озаглавлена: «Ein Gerichtzhandel zwischen Belial hellishen Verweser, als Klager einen Tail, und Jesus Christus himmlischen Gott Antworte» («Правовой спор между Белиалом, управляющим преисподней, в качестве жалобщика с одной стороны, и Иисусом Христом, небесным богом, ответчиком с другой стороны...» Страсбург, 1484).

Так Ириней ввел дьявола в церковную догматику, определив ему в ней точное место. Иринейю же принадлежит и ясно выраженная мысль о том, что дьявол создан подобно другим ангелам, что он по природе своей добр, обладает свободной волей и мог бы творить одинаково доброе и злое, но по собственной воле и вине стал злым и творит одно лишь злое. Он «злоупотребил» своею свободою ввиду присущих ему гордыни, надменности и чванства, а также в немалой степени зависти за эти свойства он, по словам Оригена, был низринут с неба на землю и превратился в своего рода падшего ангела. Особенно сильно разгорелась его зависть, когда он убедился, что у Адама и Евы имеются дети; он увлек поэтому Каина на убийство брата, любезного богу, и благодаря этому стал родоначальником смерти, продолжающейся и ныне. Кроме указанных свойств, на падение дьявола с неба влияла еще и его непомерная похоть, причина падения столь многочисленных ангелов, гнавшихся за дочерьми смертных. От сожительства с ними падших ангелов произошли «недостойные

небожительства» демоны, помощники и сотрудники дьявола, рыскающие по свету и причиняющие людям много зла. По словам Ириней, падение дьявола произошло в период между сотворением человека и его искуплением, причем падший ангел телесен, хотя тело его «менее физически» обычного человеческого тела.

По убеждению богослова II века Татиана, тело дьявола и демонов состоит из воздуха или огня. Будучи «почти телесными», дьявол и его помощники нуждаются в пище, и Ориген утверждает, что они «жадно глотают» жертвенный дым. Они умственно и физически богаче одарены, нежели обыкновенный смертный, и ошибочно предполагать, учит Татиан, что они — души умерших. На основании расположения и движения звезд они предвидят будущее, а также обладают потаенными знаниями, которые охотно открывают женщинам.

Последнее положение подчеркивается Климентом Александрийским, великим учителем церкви конца II века в его сочинении «Строматы» (Разноцветные ковры).

Наравне с падшими ангелами, армию дьявола составляли языческие божества древнего мира, превратившиеся в процессе развития христианства в презренных и коварных демонов. Подобно тому, как в Персии при переходе от старого язычества доисторических иранцев к религии Зороастра прежние боги, носившие имя «дева», стали дьяволами, подданными губительного Аримана, и их культ был запрещен, а самое имя «дева» стало употребляться для наименования дьявола, точно так же греко-римские божества, как и слово «даймон», некогда обозначавшее божество, были низведены торжествовавшим христианством с божественного пьедестала и низринуты в пучину дьявольской преисподней.

Для христиан бывшие боги стали дьяволом и демонами, т.е. превзойденными божествами, не поспевающими за колесницей истории, богами отсталыми, богами прошлого, мнимыми и ложными богами и, как всякие пережитки, они потеряли свою божественность и превратились в ее противоположность. «Для всех отцов церкви первых трех веков, — пишет Сольдан, — не было сомнения, что боги греков и римлян были демонами... это *их* голос звучал в

оракулах; это они вникали в птиц и животных, в храмовые статуи» и т.д.

Но христианин может заставить дьявола и демонов, этот хлам древнего мира, сознаться, что они вовсе не боги, а лишь *мертвые боги, реально, однако, существующие*.

Недаром они проявляют себя в своем старом образе и в христианском мире.

Так, знаменитый турецкий епископ св. Мартин, живший в IV веке, часто видел демонов в образе Юпитера, Меркурия, Венеры и Минервы; гораздо позже, через несколько столетий, епископ Райнальдо из Ночеры беседовал с демоном, явившимся к нему в лице Юпитера, а также Бахуса и Венеры. Точно так же ученый XIII века Вильгардо из Равенны имел случай столкнуться с ушедшими в область преданий богами, ставшими ныне дьяволами; однажды они предстали перед ним в образе любимых Вильгардо писателей древности — Virгилия, Горация и Ювенала. Греко-римское происхождение дьявола побудило однажды Ермолая Барбаро, умершего в 1493 году патриархом Аквилеи, обратиться к дьяволу с просьбой разъяснить ему, что означает аристотелевский термин «энтелехия».

Осведомленность дьявола должна была быть, по мнению целого ряда богословов Средневековья, крайне обширной, ибо вся древняя премудрость, по сути своей ложная, но крайне разнообразная и поражающая своей пестротой, является детищем этих ныне превзойденных и ставших дьяволами богов. И не только в древней науке эти дьяволы сильны и опытны; они создали и всю материальную культуру древности и, следовательно, являются удивительно ловкими мастерами, зодчими и художниками.

Отсюда — необыкновенные способности черта, дьявола.

Это им была построена в царствование императора Адриана стена между Англией и Шотландией; ему принадлежит необыкновенная постройка моста в Шелленене (Швейцария); это он соорудил мост через Дунай в Регенсбурге, через Рону при Авиньоне и т.д. Его искусство в этом отношении так велико, что он вступил в состязание с архангелом Михаилом в деле сооружения в Нормандии самой красивой

церкви. Мало того, из «Легенд веков» Виктора Гюго известно, что дьявол стал спорить с самим богом, кому из них удастся создать самую красивую в мире вещь. И в то время, как дьявол, засучив рукава, стал в своей кузнице ковать прекраснейшую вещь, бог из паука создал солнце, и дьявол был посрамлен. «Мертвый» бог, бог отошедшего прошлого, поганный бог, конечно, мог быть только побежден настоящим, действительным, живым богом.

Однако, будучи всезнайкой и всесторонним искусником, дьявол все свое внимание и все свои необыкновенные способности сосредоточивает на том, чтобы как можно больше вредить человечеству, как можно сильнее ударить по людям, как можно глубже подорвать власть бога над людьми и подчинить их своей сатанинской власти. В этом отношении нет различия между происхождением того или иного демона: падший ангел и бывший римско-греческий бог преследуют одну и ту же цель, обладают одними и теми же свойствами; основная черта их деятельности — причинение зла, вредительства, *малефициум*. Вот почему их, с точки зрения их основной деятельности, следует называть *малефиками* (зловредителями).

Их вредительство чаще всего проявляется через людей, которых они наделяют особыми способностями, направленными ко злу, и которых обычно называют колдунами, кудесниками, чародеями, волхвами, прорицателями, заклинателями и т.п. Непосредственно или через колдунов дьявол всегда и везде старается причинить людям физические страдания, насылает засуху, неурожай, голод, чуму, мор, проказу и иные бедствия — правда, *по поущению божьему*. И нравственное зло имеет своим источником дьявола и его помощников: они насаждают язычество и заставляют язычников смотреть на них, как на божество. От них исходят толкование примет и знамений, умение угадывать, равно как разные магические фокусы, чародейство, колдовство и астрология. Они враги христианской веры, толкают людей на ереси и язычество; по их наущению происходят самые жестокие гонения на христиан и на их веру. По учению св. Киприана, бывшего в III веке главою церковей

проконсульской Африки, дьявол является созидателем всякого церковного раскола и ереси.

И для крупнейшего авторитета раннего Средневековья, для блаженного Августина (ум. в 430 г.), языческие боги, которым римляне приносили жертвоприношения, были на самом деле демонами, реальное существование которых бесспорно, но злая воля которых теперь, в силу торжества христианского вероучения, может быть смягчена и ослаблена не жертвоприношениями, а христианским *экзорцизмом*¹. Без этого средства дьявол может вызвать всякие болезни и напасти, неурожай, засуху и голод. Августин же твердо уверен в возможности превращения человека в животное и говорит, что дьявол может настолько исказить лицо какого-либо человека, что окружающие принимают последнего за то или иное животное. Это предположение Августин сопровождает и другим: возможно, говорит он, что окружающие видят не самого человека, а его «фантастикум», отделившийся от него, как то происходит во сне, и принявший в силу вмешательства дьявола образ определенного животного. Этот «фантастикум» принимается Августином за незыблемый факт, ибо за него говорят бесконечные случаи во сне, когда от человека отделяется и уносится в бесконечное пространство его «фантастикум». По существу, Августин ставит знак равенства между душой и «фантастикомом», распространяясь на тему превращения последнего в образ животного или какого-либо человека под влиянием чародейственных сил дьявола.

Может ли и тело, подобно душе-«фантастикому», носиться по воздуху? У апостола Павла, вознесшегося на третье небо, Августин не находит точного ответа на этот вопрос и поэтому оставляет его открытым.

Не решается Августин положительно ответить и на вопрос о том, может ли дьявол сотворить новое существо; не зная, какой дать ответ, Августин говорит, что скрытое в элементах семя дьявол «хорошо видит» и из этого семени, ис-

¹ Т.е. изгнанием дьявольщины из человека, в котором засел дьявол. — См. ниже.

пользуя свое умение, он «быстро» сколачивает нужное ему животное, хотя оно им и не создается. В этом случае демон напоминает и некоторых людей, которые из разных веществ могут создать червей и мух. Он полагает также, что было бы «бесстыдством» отрицать возможность плотских сношений дьявола с женщиной — ввиду многочисленных заявлений о таких сношениях. Разумеется, всякие дьявольские напасти, как говорит Августин, происходят с божьего попущения, с разрешения бога, как это вытекает из общего учения о зле, попускаемом богом.

* * *

Подлежит ли колдун наказанию? Поскольку колдун, как орудие злой воли демона, *причиняет людям вред*, порчу, зло, насылает на них всякие беды и несчастья, отнимает у них сон и спокойствие, лишает их пищи и удовольствия, он еще *в древнем мире* подлежал, как всякий преступник, суровому наказанию, *в меру своего преступления*.

Чем больше вреда он приносил, чем значительнее был его малефиций, тем беспощаднее была постигавшая его кара и тем явственнее торжествовала свою победу принцип справедливого возмездия. Так как колдун находился во власти богов прошлого, служил им, то всякое поклонение отжившим богам, которые в силу своей «превзойденности» превращались в злых, преступных демонов, было в античном мире наказуемо и наказание колдуна носило с внешней стороны религиозный оттенок, хотя, по существу, оно было чисто светским.

Демонослужителя или идолопоклонника (что было одно и то же) *наказывали не за грех, не за веру в отжившего бога или в его изображение* — икону или идол, *а за его преступление*, совершенное по наущению мстящего миру бога прошлого, отставшего от «нынешней» культуры. Если римские императоры преследовали христиан, то в этих преследованиях не было религиозного момента: христиане находились во власти злых богов, демонов и идолов, которые в силу своей

природы толкали их на преступление, за что христиане и терпели соответственные наказания.

Такое же отношение к колдунам воспринял *на первых порах* и христианский мир: возврат к идолопоклонству, который теперь означал веру в римские божества, наказывался потому, что старые боги в качестве демонов и дьявола могли подстрекать отпавших от христианства лишь ко злу, к причинению людям одних лишь бедствий и несчастий. Так как смерть от отравления особенно сильно поражала окружающих, то колдунов стали отождествлять с отравителями, и малефиций часто даже назывался венефицием, т.е. ядовредительством.

Однако если светская власть должна была преследовать преступных колдунов как убийц и прочих вредителей, то и церковь, боровшаяся за рост своей паствы, не могла относиться безразлично к отходу отдельных ее членов; отход ведь был тем более опасен, что мог совершаться безнаказанно, если идолопоклонник не совершал никаких вредительских актов, несмотря на своего злого искусителя.

Неудивительно, что церковь постепенно начала включать отпавшего члена в разряд и церковных преступников, на которых должны распространяться духовные наказания. К последним относились в качестве особенно тяжких отлучение от церкви и отказ в причастии перед смертью грешника; для церкви при этом не играл существенной роли размер преступления вернувшегося к старому богу преступника. Церковь наказывала *не за вред*, нанесенный обществу, и не за преступление, причиненное человеку, а *за отпадение от церкви*, за отступление от слова божьего, отступление, могущее и не сопровождаться уголовным преступлением, малефицием. В круг колдовства — малефиция — входили магия, прорицательство, гадание, обворожение и т.п., причем колдун мог действовать через заклинание или всякими иными средствами, которые ему «подставлял» дьявол.

Собор 306 г. в Эльвире самым суровым образом осуждает колдовство, ввиду того, что оно возможно лишь в силу возврата человека к идолопоклонству. На этой же точке зрения стояли соборы 314 г. в Анкире и 375 г. в Лаодикее, указывав-

шие, что представители духовенства зачастую занимаются колдовством, изготавливают амулеты и становятся заклинателями, гадателями и математиками.

С этого момента ряд соборов останавливается на страшном колдовском преступлении и включает в него поклонение деревьям, скалам, камням, источникам и т.п. Провинциальный собор 551 г. в Элюзе не ограничивается уже духовными карами и требует наказания плетью для колдунов низкого и рабского звания. Нарбонский собор устанавливает продажу в рабство свободного человека, впавшего в идолопоклонническое колдовство. Таким образом, с середины VI века мы видим, что церковь требует *двойного наказания колдуна и привлекает* к его наказанию и *светскую власть*. Само преступление является таким, которое касается обеих властей; оно смешанное — *delictum mixti fovi* — даже в том случае, когда колдун не причинил вреда, не совершил maleficium.

Эти постановления соборов, равно как и аналогичные заявления папы, не могли не просачиваться в светское законодательство, хотя последнее стремилось иметь дело лишь со «зловредными деяниями» колдунов, с учинением ими порчи тому или иному человеку, по жалобе которого и свершался суд над колдуном. Частный характер раннесредневекового суда, где инициатива и обвинение исходили от пострадавшей стороны и где отсутствовал принцип общественного обвинения, как нельзя лучше гарантировал этот суд от преследования таких колдунов, которые, по учению церкви, были отчаяннейшими преступниками, но своими действиями не вызывали жалоб и не подавали пострадавшим повода к обращению к суду за наказанием гадалея, метателя жребия, ясновидца, вязателя узлов, математика и всякого иного безобидного вида колдовства.

Оставляя в огромном большинстве случаев вне поля своего зрения не причиняющих вреда колдунов, светский суд в то же время осуждает тех, которые творят насилие над летающими по ночам женщинами, которых называют *стригами*, *ламиями* или *масками* и которым приписывают такие ужасные преступления, как высасывание внутренностей из живых людей или пожирание малых детей.

Светское законодательство считает *безумием* все эти *рассказы* и предостерегает от веры в них, подчеркивая, однако, факт существования колдунов как зловредителей (малефиков), так и таких, которые своим колдовством не причиняют людям особого ущерба. Эдикт лонгобардского короля Ротара 643 г. прямо запрещает христианам верить тому, что женщины могут быть вампирами и высасывать внутренности из живых людей, и приказывает судьям не допускать, чтобы заподозренные в таком невозможном преступлении женщины убивались *безумцами*. Карл Великий пошел гораздо дальше Ротара и в своем первом саксонском капитулярии от 787 г. говорит, что смертная казнь должна постигнуть того, кто, одуроченный дьяволом, верит, подобно язычнику, в существование пожирающих живых людей стриг или ламий и на этом основании убивает этих несчастных *мнимых* преступников.

Так светское законодательство проводит резкую грань между колдовством и «языческим безумием». Колдун — реальность, он несет с собою малефиций своему ближнему и подлежит как вредитель суровому наказанию; вампир — стрига, ламия или маска не существуют и являются бредом одуроченных дьяволом отдельных безумцев, совершающих тяжелые насилия над мнимыми преступниками, за что сами должны подлежать ответственности перед законом.

Но если светский суд отмежевывал себя от народных безумий, то церковные взгляды, наоборот, все более и более приближались к «народному безумию» и вскоре овладели и светским судом.

До IX века светское законодательство упорно ставило ударение на вреде, учиняемом колдунами, и в меру этого вреда устанавливало для малефика то или иное наказание; с момента же ослабления светской власти и усиления церковной начинается выпячивание религиозного характера преступного колдуна. Его ждет наказание не только за то, что он учинил ущерб людям, но и за то, что он совершил богохульство, впал во власть демона, преклонился перед силой языческого начала, и степень наказания, определяемая светским судом, соответствует все более и более величине *греха*, а не *преступления*: убийство, совершенное без

специфической примеси колдовства, может быть наказано менее сурово, чем гадание или заговаривание, в котором ясно сказался элемент дьявольского наваждения.

Так светский закон, ища сближения с церковью, впитывает в себя канонические элементы и не только предлагает церкви свой карающий меч, но и сам проникается ее духом и отклоняется от прежнего взгляда, видевшего в преступнике-колдуне вредителя, а не грешника.

Это загрязнение светской мысли церковными началами имело роковые последствия, когда церковь не только все более и более стала выпячивать греховный характер колдовских преступлений, но и санкционировала, расширяла и углубляла народное безумие, связанное с представлением о летающих стригах, пожирающих живых людей вампирах и живущих половой жизнью с дьяволом женщинах, способных оборачиваться в самых разнообразных животных, — все эти безумные бредни, которые так определенно и резко осудил император Карл Великий и еще до него лонгобардец Ротар.

Народные верования, осужденные как безумие светским законодательством, были, как мы уже видели, настолько близки Августину Блаженному, что он говорил о полетах, о вознесении (*raptus*) человека, если не его тела, то во всяком случае его «фантастикума», принимавшего под влиянием дьявола внешний вид телесного существа.

Несмотря на огромный церковный авторитет Августина, его рассуждения о дьяволе, изложенные в «Дьявольской натуре» и «Прорицательстве демонов», не получили широкого освещения в теологической литературе до середины VII века, когда, опираясь на учение Августина, епископ Исидор Севильский написал свою богословскую энциклопедию, названную «Этимологиями». В этом сочинении Исидор подробно говорит, как колдуны вызывают град, дождь, засуху и иные перемены в природе, как они владеют умением оборотить одно животное в другое, человека в волка и другого зверя; все это для него совершенно бесспорно, хотя он и ссылается лишь на язычников, например на римского поэта Горация и некоторых других. Что касается летающих ламий

или масок, пожирающих и похищающих детей и являющихся *демонами, сделанными из людей* (ex hominibus daemones facti), то Исидор более знает о них из слухов, чем из достоверных фактов, хотя и имеет мало оснований не доверять этим слухам. Относительно же половой жизни демона с женщиной Севильский епископ дает более определенные данные: в этом, по его мнению, сомневаться нельзя, хотя снова у него делаются ссылки только на язычников. Этими рассуждениями церковь, в лице одного из самых видных своих авторитетов, сделала шаг в сторону народного «безумия» и усвоила его наиболее характерные черты.

Исидор Севильский не мог быть обойденным, и его «Этимологии» позднее комментировались и дополнялись рядом богословов, причем все они принимали его рассуждения о ламиях, вампирах, сожительстве с дьяволом как установленные данные, не подлежащие сомнению. В этом духе писал Рабан Мавр, известный майнцский архиепископ IX века; то же утверждал, в качестве последователя Исидора, реймский архиепископ Гинкмар, и вся богословская литература полна описаний страшных злодеяний дьявола и его бесчисленной демонской рати.

Народная фантазия обогащается учеными измышлениями, схоластическими ухищрениями и языческой мифологией. Богословская мысль питается народными суевериями и в свою очередь сеет в народе фанатизм, безумие и ужас. Как из рога изобилия, льются на обезумевшее человечество комментарии к великим учителям, рассказывающие о небывалых и неслыханных дерзостях и злодеяниях дьявола. Одно его деяние страшнее другого, и монахи изоощряют все свои способности, чтобы изобразить самый фантастический подвиг ставшего героем целой эпохи дьявола. Аббат Гиберт из Ножана передает, что его собственный отец подпал под чары дьявола и потому он, Гиберт, родился на семь лет позже, чем должен был родиться. В эти семь лет отцовской импотенции к матери Гиберта явился однажды ночью дьявол в образе мужчины, готового вступить в связь с ней; однако дьявол был своевременно прогнан добрым духом, заинтересованным в сохранении нравственной чистоты матери Гиберта.

Умением прогонять дьяволов, являвшихся к женщинам в образе мужчин, особенно отличался знаменитый проповедник Бернард из Клерво. Он много способствовал оживлению в XII—XIII веках учения Августина Блаженного, благодаря Бернарду стали популярны в народе наиболее безумные деяния демонов и дьявола.

Не менее ужасные вещи рассказывает в своем «Поликратике» Иоганн из Сольсбери, большой знаток сочинений Августина и Исидора. С Иоганном по части дьявольских ужасов соперничает Петр из Блуа, распространяющийся на тему о том, как, по указанию дьявола, женщины изготавливали глиняные фигуры, а также грязевые и через их посредство мучили своих врагов или вселяли любовь в души тех, кого любили. Из ряда нормадских монастырей распространялись по северной Франции такие ужасы, что потребовалось вмешательство папы для успокоения монастырской братии и всего населения. То же имело место в знаменитом Корвейском монастыре, откуда исходили фантастические бредни, которым, по словам аббата Вибальда из того же Корвея, не стал бы верить даже язычник. Теперь стали принимать как нечто достоверное то, что гунны произошли от демонов, что жители острова Кипра являются детьми дьявола, принявшего вид мужчины и вступившего в половую связь с женщиной. Такой дьявол уже и раньше стал называться инкубом (сверху лежащим), в противоположность дьяволу, принимавшему вид женщины и называвшемуся суккубом (лежащим снизу). Об английском короле Мерлине говорили, что он родился от инкуба и дочери-монашенки английского короля, и Вальтер говорит о целом ряде лиц, родившихся точно таким же образом.

Вопрос об инкубах и суккубах делается излюбленной темой теологической мысли, и Вильгельм Парижский посвящает ей особенно много внимания; пигмеи, фавны, оборотни-волки и гиены, все они разные демоны и полудемоны, самым коварным образом распоряжающиеся судьбой людей. Фавн, по его мнению, есть смертное, не вполне демоническое существо, родившееся от инкуба и женщины.

Впрочем, Вильгельм Парижский полагает, что демон не в состоянии произвести на свет человека и лишь пользуется человеческим семенем, которое он вводит в женщину, становящуюся тем самым матерью.

Особенно большим авторитетом пользовался в XII веке Петр Ломбардский, умерший в Париже в 1164 г. Его «Сентенции», комментировавшиеся беспрестанно почти всеми теологами до момента замены его авторитета авторитетом Фомы Аквината, подробно говорили о разнообразных деяниях, причем вопрос о мужской импотенции, вызываемой дьяволом и служащей поводом к расторжению брака, особенно остро занимал Петра Ломбардского, разъяснявшего, что дьявольская импотенция, в противоположность естественной (*brigiditas*), делает брак невозможным лишь в отношении одной женщины, а не вообще, а потому околдованный импотенцией должен, расставшись с женой, немедленно жениться на другой. Для Петра Ломбардского вопрос о том, каким образом бог допускает расторгнуть дьяволу таинство брака, решался в том смысле, что все это совершается с соизволения бога и является результатом грехов тех, которые подпадают под дьявольское наваждение. Более трудным представляется Петру вопрос о том, почему похотливый и развратный дьявол, толкающий людей на блуд, поражает свою жертву импотенцией, которая как раз тормозит чувственную деятельность человека; по-видимому, специфический характер дьявольской импотенции, распространяющейся только на законную супругу, благополучно разрешает головоломную проблему, выдвинутую несколькими парижскими теологами.

Само собой понятно, что все эти рассуждения, повторяемые на разные лады, отравляли атмосферу и вызывали в людях представление о вездесущности и всемогуществе дьявола, проникающего в самые интимные закоулки человеческой жизни и нарушающего его покой даже там, где присутствие посторонней и враждебной силы казалось менее всего вероятным.

Ученый характер дьявольской литературы исключал возможность колебания насчет реального существования де-

монов со стороны необразованной массы, которая все более и более охватывалась паникой перед грозной и таинственной силой, какой был дьявол. Эта паника ввергала многих в тяжелые формы психических болезней, и люди верили в то, что они действительно околдованы дьяволом, и в то, что они, благодаря дьявольскому содействию, могут других околдовывать и превращать их в орудие своей воли. Так общество в XII в. шло навстречу большой катастрофе¹.

* * *

Уже давно была оставлена мысль, что сфера деятельности дьявола ограничивается исключительно некрещеными и язычниками. По своей неизреченной справедливости бог соизволяет дьяволу терзать и искушать и верующего: этим последнему предоставляется возможность добровольным, свободным выбором достичь блаженства, опозорить искушителя, укрепить в себе веру и приободрить чужую душу и совесть. Вот почему никто не может оправдываться ссылкой на дьявольское обольщение: ведь демоны вообще не в силах принуждать к греху, они лишь побуждают к нему.

Ориген не соглашается с тем, что без демонов не было бы грехов; собственные пороки людей, говорит он, ведут их ко злу, и демоны играют лишь роль толкачей, побудителей. Побужденный в борьбе с дьяволом сам несет ответствен-

¹ Сольдан-Геппе. История процессов против ведьм, 2 т., 3-е изд., дополненное Максом Бауэром, 1911 (на нем. яз.); Иос. Ганзен. Колдовство, инквизиция и процессы ведьм в Средние века, 1900 (на нем. яз.); он же. Источники и исследования по истории колдовства и преследования ведьм в Средние века, 1901 (на нем. яз.); Г. Росков. История дьявола, 1885 (на нем. яз.); Г.Ч. Ли. История инквизиции в Средние века, 2 т., 1910; М. Генкин. Дьявол, изд. «Атеист», 1930; Леман. Иллюстр. история суеверий и волшебств, 1901; Жюль Бессак. Дьявол, 1881 (на франц. яз.); Г. Лекки. История возникновения и влияния рационализма в Европе, т. 1, 1871; Г. Мори. Магия и астрология в древности и в Средние века, 1860 (на франц. яз.); А. Граф. Дьявол, 1892 (на нем. яз.); Ревиль. История дьявола, 1873 (на франц. яз.); Ж. Бессак. История христианской дьявольщины, 1882 (на франц. яз.); он же. Великие дни колдовства (на франц. яз.), 1890.

ность за грех и не должен возлагать его на искушителя. Бог, по своей милости, не допускает искушения, превосходящего силы человека, и одинокий никогда не будет предоставлен во власть сразу многих демонов; к тому же человек может всегда надеяться на помощь бога. «Бог не уничтожил действия дьявола на верующих для того, чтобы последние боролись с ним, были чутки, осторожны и не опускались в бездну безделья и лени».

Против дьявола, учила церковь, есть, однако, сильное средство. Это истинная христианская вера. «Христианство», по словам немецкого исследователя Сольдана, казалось, создало в своем учении оплот, за который каждый верующий смело и безопасно мог становиться, не боясь вредного действия чародейства, источник которого связывался с именем вечного врага человечества — дьявола.

Еще Гермас, ученик ап. Павла, упоминаемый им в «Послании к римлянам», говорил, что лучшим средством обезопасить себя от дьявола является богобоязненность, религиозное рвение: вера обращает в бегство дьявола, и демоны боятся истинно верующего. Упорство в сопротивлении путем набожности наводит ужас на дьявола, и только неверующий может бояться дьявола. Молитвы прогоняют его; он страшится крестного знамения и исчезает при произнесении имени Христа.

По учению Оригена, побежденный верующим демон ввергается в пучину и теряет право на искушение других. Чем чаще верующие побеждают, тем меньше становится число демонов и тем легче язычникам отказаться от их скверны. В общем, в распоряжении дьявола и его демонов остаются лишь язычники и некрещеные, в которых обретаются разнообразные демоны. Вот почему при крещении необходимо их предварительно изгнать, и экзорцизм, т.е. изгнание дьявола из новокрещеного, становится необходимым актом крещения, а с середины III века существовал даже особый чин гонителя, имевший сначала дело лишь со взрослыми язычниками, отрекавшимися от своих воззрений, а потом включивший в круг своих обязанностей, как выдыхание дьявола (*exsufflatio*) нечистыми детьми, так и

вдыхание им (*insufflatio*) чистого божественного духа. «Выходи, нечистый дух, и дай место чистому» — так при крещении гласил этот чин¹.

Папа Григорий Великий (ум. в 604 г.) рекомендовал употребление святых мощей в качестве средства для изгнания дьявола и рассказывал, как ему удалось изгнать из одной арианской церкви дьявола, принявшего вид свиньи: с громким хрюканьем пустилась она бежать, когда перед ней показались мощи одного святого. Тот же папа в главе «О жизни и чудесах италийских отцов церкви» подробно распространялся о дьяволах и рассказывал своему церковному служителю Петру о многочисленных чудесных приключениях из жизни епископов и монахов, удачно прогонявших пристававших к ним дьяволов. Вот, например, перед нами пресвитер, обращающийся к дьяволу со словами: «Эй, дьявол, сними мне сапог!» И дьявол, преследуя какую-то хитроумную комбинацию, действительно появляется и готов снять пресвитеру сапог, но верующий, крестясь, прогоняет его вон.

В VIII веке святой Бонифаций, так называемый апостол Германии, при акте крещения, изгоняя дьявола, говорил: «Ну, вот вы теперь отреклись от дьявола, его творений и всей его помпы. Каковы творения дьявола? Язычество, обращение к ядам, заговариваниям и приметам».

Между тем дьявольская мощь и его помпа росли так, что порою даже представители церкви ничего не могли поделать с дьяволом и должны были униженно присутствовать при его «творениях». Так, аббат Тритемий описывает страшный 858 г., когда дьявол пожаром уничтожил ряд домов, причем «коварный» ранил камнем священников, желавших помочь погорельцам и вообще бороться с огнем.

На синоде 871 г. в Майнце рассказывали, как два саксонских священника считали себя набожнее и священнее самого епископа, что привлекало на их службы многочисленную

¹ Изгнание это (экзорцизм) в значительной мере сохранилось по настоящее время. См.: Koldwey. *Der Exorzismus in Braunschweig*. 1893. Книга Кольдевея, хотя и носит местный характер, имеет значение для понимания современного экзорцизма во всех католических странах.

толпу верующих. В наказание епископ Луитберт сместил одного, другим же священником овладел дьявол, который в данном случае явился исполнителем божественной кары или, как говорили, министром наказаний (*minister roepagum*). Этот министр возмущался, когда мирянина хоронили в церковной оgrade. Так, в Генуе был погребен в церкви некто Валентин: в полночь в церкви поднялся страшный шум; сбежавшиеся сторожа увидели двух дьяволов, связавших ноги Валентину и тащивших его из церкви. Сторожа в испуге бежали, а на следующий день в склепе не оказалось трупа Валентина: он лежал за оградой со связанными ногами. Событие это удостоилось специального обсуждения синода, который констатировал, что происшедшее с Валентином есть чудесная и вместе с тем ужасающая история, которая не должна быть забыта вовеки. В силу этого II-й канон вормского синода 895 г. постановил: «Согласно предписаниям святых отцов и в силу чудодейственных происшествий, отныне возбраняется хоронить в церкви мирянина».

В связи со страшным расширением радиуса действия дьявола страх перед ним быстро увеличивается, и его всемогущество начинает угрожать даже самому богу. Возможность столкновения подобных двух сил с трудностью предвидения, на чьей стороне окажется победа, пугает многих верующих, и даже авторитетные представители церкви говорят о неограниченном всемогуществе дьявола.

Веронский епископ Ратерий в середине X века счел себя вынужденным заступиться за всемогущество всевышнего и подчеркнуть, что перед ним должна все-таки преклониться мощь дьявола. Последняя была, однако, настолько велика, что римский синод 963 г. с чувством досады и возмущения констатировал, что папа Иоанн XII подпал под власть дьявола, за здоровье которого он поднимал бокалы вина, призывая на помощь Юнону, Венеру и других богинь языческого мира.

Особенно внимательно богословы относились к факту многочисленных оборачиваний дьявола в домашних и неприрученных животных. Теологи определенно утверждали,

что, в силу божьего попущения, дьяволу дана возможность обращать человека в животное.

Церковь не сомневалась, что в животном, произошедшем от человека, сохранялась душа, но успокаивала тем, что подобное животное не злоупотребляет человеческой душой и оставляет ее в покое. Епископ города Лозанны, убедившись, что с помощью дьявола кудесники и чародеи превратили многих людей в червей, саранчу, жаб, майских жуков и т.д., которые причинили массу вреда окрестным крестьянам, трижды обращался с епископской кафедры со словами и убеждения и угрозы к этим страшным паразитам, требуя, чтобы они предстали в Вифлисбурге на суд — собственной персоной или через представителей. Это обращение делалось епископом при звоне колоколов и в очень торжественной форме: крестьяне опускались на колени, трижды читали Отче наш и Ave-Maria и молились о гибели саранчи и прочей нечисти. Саранча и черви возбудили, однако, дело против епископа; им был дан защитник, но епископ выиграл дело, и во имя Бога отца, Сына и Святого Духа лозаннские черви были навеки прокляты. Но сила дьявола была так велика, что не помогло даже епископское проклятие: через год Лозанна подверглась тому же несчастью — к великому позору церкви, оказавшейся слабее дьявола. И архиепископу вормскому Адельберту пришлось убедиться в слабости церкви в ее борьбе с дьяволом: в пасхальные дни 1065 г. архиепископ излечил одного больного, но дьявол не пожелал с этим считаться, и больной скончался.

За 50 лет до этого случая подобные факты в большом количестве были рассказаны на синоде в Орлеане и произвели глубочайшее впечатление на собравшееся духовенство, павшее духом от многочисленных доказательств всемогущества дьявола и под его руководством действующих волхвов, колдунов, чародеев, колдуний, одержимых и беснующихся.

Что удивительного в том, что после этого в действиях всякого крупного человека, который почему-либо казался церкви подозрительным, богословская мысль прежде всего искала дьявольской подкладки. Даже сам папа подвергался таким обвинениям. По словам Гфрера, против папы Григо-

рия VII возникло подозрение, что он действует с помощью магической книги, т.е. в содружестве с дьяволом¹. Всякое новшество, всякая смелая мысль, все, что уклонялось даже в очень незначительной степени от привычного мышления и повседневной жизни, вызывало представление о вмешательстве дьявола, о его персте.

У одного священника, рассказывал писатель-монах начала XIII века Цезарий Гейстербахский, был очень приятный голос, и его друзья постоянно наслаждались его пением. Однажды услышал его пение какой-то знакомый монах и тотчас заявил, что подобный голос не свойственен человеку и что он принадлежит дьяволу. В присутствии всех поклонников певца монах стал изгонять дьявола из тела несчастного, и певец переживал тяжкие минуты, когда его тело покидал дьявол.

Папа Александр III запретил священнику прибегнуть к астрологии для отыскания вора, предполагая, что в астрологии запрягнулся дьявол.

Общее собрание цистерцианского ордена в 1183 г. запретило заниматься предсказанием чего бы то ни было; папа Гонорий III осуждал тех, которые держали пари или вообще предсказывали, кто будет назначен на тот или иной духовный пост. Впоследствии мнимо-ученый француз Габриэль Ноде опубликовал объемистую книгу, в которой доказывалось, что большинство великих людей находилось в переписке с дьяволом.

Так церковь, всячески распространяя бредни о дьяволе, запуталась в собственных противоречиях и сама начала бояться дьявольского наваждения. Желая наказать слабых людей за колдовство, приравняемое ею к ереси, церковь создала такую метлу, которая, казалось, выметет самую церковь и оставит земную юдоль всецело во власти одного лишь дьявола. На все земное надвигался в лице дьявола страшный враг, который готов вступить в поединок с самим богом, и с этим врагом церковь решила помериться силами, став на сторону бога, не желавшего единолично,

¹ Прим. Gförer Aug, Friedr. Allgemeine Kirchengeschichte. 4 тома. 1841—1846.

по-видимому, идти на истребление даже своего «личного» врага.

Борьба была серьезна: два почти равные существа оспаривали друг у друга господство над миром. У бога есть ангелы и небесные полки, у дьявола — бесчисленные полчища демонов и подчиненных ему чертенят. Активность дьявольской рати увеличивала опасность, но церковь, победившая язычество и заставившая преклониться перед ее авторитетом императорскую власть, смело ринулась в бой, полагаясь на свое старое, испытанное в бою средство. Мечом и огнем должен быть уничтожен враг человеческого рода кто за него, тот подлежит уничтожению, истреблению; пощады никому не будет, и дьявол будет изгнан из самых узких щелей, куда он проник, и из самых интимных мест, куда он засел.

Беспримерная погоня за дьяволом принимала тем более страшные размеры, что сама же церковь изобретала для него все новые и новые ущелья, все более и более таинственные норы. Созданный церковью дьявол ее же стараниями принял всеобъемлющий характер и всепроникающий образ, и теперь для борьбы с ним требовалась неимоверная энергия, необычайное напряжение.

Однако до XIII века число преследований за колдовство было сравнительно невелико: церковь иногда как бы ступивала перед государством и обычно предоставляла ему преследовать действовавших под влиянием дьявола преступников; государство же, несмотря на всякие колебания, склонялось к преследованию лишь тех, которые приносили ущерб другим людям, видя свою задачу в том, чтобы наказывать преступников, а не грешников. Правда, церковники бдили за тем, чтобы впавшие в идолопоклонство несли должное наказание, и, помимо отлучения от церкви, передавали их в руки светской власти, которая, все более преклоняясь перед силой церкви, зачастую подвергала смертной казни и таких, которые не были малефиками, т.е. преступниками в прямом смысле, а были лишь отступниками от веры.

О наиболее ранних казнях колдунов мы узнаем из сочинения Григория Турского, который в своей «Истории франков» описывает сожжение одной колдуньи, вызвавшей в 580

г. смерть двух королевских сыновей, а когда, через три года, умер и третий сын королевы Фредегунды, в его смерти были заподозрены префект Муммол и несколько женщин, действовавших под влиянием дьявола. Муммол был подвергнут пытке и сознался, что получил от колдуний мазь и напитки с целью удержать милость короля и королевы. За это преступление он был сослан в Бордо; женщины же признали свою вину, назвали себя колдуньями, подверглись колесованию и сожжению. То был наиболее громкий колдовской процесс эпохи Меровингов.

В следующую, Каролингскую, эпоху подобный процесс возник в связи с увлечением императора Людовика Благочестивого красивой Юдифью, на которой он женился и под влиянием которой он решил перераспределить части империи в ущерб старшим сыновьям, родившимся от первого брака. Духовенство пришло на помощь обиженным императорским сыновьям и заявило, что любовь Людовика Благочестивого вытекает из колдовских чар Юдифи и что во дворце имеется очаг кудесников, ворожителей и колдуний, которые околдовали императора, этого невинного барана, который придет в себя, как только будут изгнаны из дворца забравшиеся демоны. Началась борьба между отцом и старшими сыновьями; во время этой борьбы была захвачена в Шалоне монахиня Герберга, сестра одного из виднейших сторонников Юдифи; Герберга была обвинена в магии и венефиции, т.е. в учинении ущерба и яда, и была брошена в реку Саону.

Этот вид наказания колдуний стал распространяться в IX веке, и его старался применить к своей жене Тейтберге император Лотар II, обвиняя Тейтбергу в том, что она из-за колдовства не может исполнять супружеских обязанностей. Лотар II нашел поддержку со стороны архиепископов Трира и Кельна и епископа Меца; оказалось, однако, что Тейтберга тут совершенно ни при чем: императорская болезнь была вызвана его любовницей Вальдрадой, надеявшейся расторгнуть этим путем брак Лотара с Тейтбергой. Вальдрада должна была пострадать за свое коварство. В смерти в 899 г. сравнительно молодого короля Арнульфа также видели ко-

варство колдунов: король был во цвете лет, и казалось, что участие в его смерти злой силы бесспорно. Какой-то приближенный короля был казнен, другой бежал, а «настоящая» виновница преступления — Рудпург была подвергнута пытке; под ее тяжестью она созналась и была повешена в Айблинге.

В XI веке число колдовских историй, доходивших до суда, значительно увеличилось; одновременно с этим колдовские случаи единолично подавлялись сильными мира сего, не доводившими их до светского или духовного суда. Так, например, с трирским архиепископом Поппо в 1016 г. произошло следующее: он заказал одной монахине изготовить ему пару сапог. Так как Поппо сильно нравился монахине, то она околдовала сапоги, которые вызывали сильную страсть к монахине у тех, которые надевали эти сапоги. Как только Поппо надел сапоги, он почувствовал необыкновенную страсть к монахине и догадался, что с сапогами творится что-то неладное; он тогда предложил эти сапоги нескрольким знакомым, которые тоже тут же воспылали страстью к этой монахине. Дьявольское наваждение было бесспорно, и Поппо разогнал всех монахинь монастыря Пфальцеля, не разбирая правых и виновных. За эту скоропалительность Поппо нажил гнев бога и должен был отправиться в Иерусалим, чтобы искупить свой поступок.

Аналогичный случай колдовства имел место в отношении кельнского архиепископа в 1075 г.; заподозренная колдунья была сброшена с высокой городской стены. Такое же наказание постигло в Ангулеме колдунью, которую обвиняли в учинении ужасной болезни графу Вильгельму. Под пыткой колдунья отрицала свою вину; поединок, установленный для выявления ее преступления, не дал определенного результата, и Вильгельм склонен был считать ее невиновной; однако после его смерти говорили, что женщина эта околдовала глиняные фигуры, и сын Вильгельма, граф Алдуин, подверг ее казни, не обращаясь к суду. В 1090 г. в Фрейзинге, из-за конфликта с епископом, суд некоторое время совершенно бездействовал, и заподозренные в колдовстве три женщины были подвергнуты толпой испытанию водой. Испытание не дало положительных результатов, и женщин под-

СОДЕРЖАНИЕ

С. Лозинский. Предисловие. Роковая книга средневековья ... 5

Молот ведьм

Перевод с латинского Н. Цветкова

Часть первая

**О трех силах, составляющих колдовство, а именно:
о дьяволе, о колдуне и о божьем попущении** 95

Часть вторая

**Молот ведьм трактует о способах околдования и о том,
как таковое можно снять** 227

Часть третья

**Следует третья часть всего сочинения, рассматривающая
способы искоренения или, по крайней мере, наказания
ереси подлежащим духовным или светским судом
и содержащая тридцать пять вопросов** 385

Послесловие 467

Примечания 472